ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2015
XXIV

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК

1195

EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Издаётся с 1992 года

Том XXIV

Экспресс-выпуск • Express-issue

2015 № 1195

СОДЕРЖАНИЕ

3489-3494 Формирование оперения зарянки *Erithacus rubecula* на первом году жизни и фотопериодическая регуляция постювенальной линьки. И.Б.САВИНИЧ

3494-3495 Первая зимняя встреча клинтуха *Columba oenas* в Семипалатинском Прииртышье. Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ

3495-3497 О биологии чирка-свистунка *Anas crecca* в Карелии. Э.В.ИВАНТЕР

3497-3498 Первая находка гнездовой колонии грача *Corvus frugilegus* в предгорьях Каржантау (Западный Тянь-Шань). Е.С.ЧАЛИКОВА

3498-3504 Динамика численности гнёзд грача *Corvus frugilegus* на территории государственного музея-заповедника С.А.Есенина и в его окрестностях. Е.А.МАРОЧКИНА, Н.В.ЧЕЛЬЦОВ, В.В.СБЫТОВА, К.И.СОЦКОВА

3504-3507 Пёстрый дрозд *Zoothera varia* гнездится в окрестностях посёлка Хасан Приморского края. Н.Н.БАЛАЦКИЙ

3507-3509 Встреча больших белых цапель *Casmerodius albus* в плавнях Кронштадтской колонии осенью 2015 года. С.А.КОУЗОВ

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2015
Дата опубликования: 9 октября 2015

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXIV
Express-issue

2015 № 1195

CONTENTS

3489-3494 Plumage development in the first year of life and photoperiodic regulation of postjuvenile moult in the robin *Erithacus rubecula*. I.B.SAVINICH

3494-3495 The first winter record of the stock dove *Columba oenas* in the Semipalatinsk Irtysh region. N.N.BEREZOVIKOV

3495-3497 On biology the common teal *Anas crecca* in Karelia. E.V.IVANTER

3497-3498 The first finding of breeding colony of the rook *Corvus frugilegus* in the foothills of Karzhantau (Western Tien Shan). E.S.CHALIKOVA

3498-3504 Changes in the number of rook *Corvus frugilegus* nests in the territory of the State S.A.Esenin Museum-Reserve and its surroundings. E.A.MAROCHKINA, N.V.CHELTSOV, V.V.SBYTOVA, K.I.SOTSKOVA

3504-3507 The northern scaly thrush *Zoothera varia* nests in the vicinity of the village of Hasan, Primorsky Krai. N.N.BALATSKY

3507-3509 The record of the great egret *Casmerodius albus* in reed swamps of Kronstadt colony in the autumn of 2015. S.A.KOUZOV

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2015

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск ***1195****: 3489-3494*

Формирование оперения зарянки *Erithacus rubecula* на первом году жизни и фотопериодическая регуляция постювенальной линьки

И.Б.Савинич

*Второе издание. Первая публикация в 1984**

Зарянка *Erithacus rubecula* – обычный и довольно многочисленный представитель семейства дроздовых на Северо-Западе РСФСР. В Ленинградской области зарянки появляются весной в начале-середине апреля. Репродуктивный период сильно растянут и многие пары успевают за сезон дважды вывести птенцов. Первые птенцы появляются в гнёздах уже в конце мая, а наиболее поздние случаи вылупления были отмечены в первых числах августа. Из этого следует, что молодые зарянки из ранних и поздних выводков развиваются в разных фотопериодических условиях. Нам представилось интересным выяснить, как это обстоятельство может влиять на формирование оперения зарянки на первом году жизни.

Материал и методика

Материал собирался на Ладожском орнитологическом стационаре в Гумбарицах (юго-восточный берег Ладожского озера) в 1970-1980 годах. Анализ линьки зарянок проводился по данным прижизненного описания состояния оперения птиц по известным методикам (Носков, Гагинская 1969, 1972; Гагинская 1973; Гагинская, Рымкевич 1973; Носков, Рымкевич 1977). Формирование гнездового наряда изучалось по методике Г.А.Носкова и А.М.Болотникова (1973). В работе использованы данные о 115 гнездовых птенцах и 1230 молодых зарянках, отловленных большими стационарными ловушками и паутинными сетями.

Для более детального изучения роста и смены оперения 20 молодых зарянок, родившихся в разные сроки (ранние и поздние выводки), содержались в уличных вольерах при избытке корма (муравьиные коконы, варёное куриное яйцо, ягоды черники, зелень, личинки мучного хруща) и осматривались через каждые 4-5 дней. Чтобы исключить возможные ошибки, связанные с содержанием птиц в неволе, полученные данные контролировались описаниями оперения 33 зарянок, неоднократно попадавшихся в ловушки и паутинные сети на всем протяжении линьки. 13 из этих птиц были окольцованы гнездовыми птенцами, остальные впервые отлавливались до начала линьки.

Эксперимент по фотопериодической регуляции линьки проводился в 1980 году. Для этого из 3 гнёзд были взяты 7-9-дневные птенцы зарянки вместе с одним из родителей. Взрослые птицы выкармливали их в клетках свежими муравьины-

* Савинич И.Б. 1984. Формирование оперения зарянки (*Erithacus rubecula* L.) на первом году жизни и фотопериодическая регуляция постювенальной линьки // *Вестн. Ленингр. ун-та* 9: 27-31.

ми коконами и личинками мучного хруща. Выросшие птенцы содержались затем в уличных вольерах или садках 60×60×120 см с искусственным освещением. Описание эксперимента приводится в соответствующем разделе работы.

Формирование оперения зарянки на первом году жизни

Практически всё время от рождения до отлёта на зимовку у молодой зарянки в большем или меньшем объёме происходит рост или регенерация перьевого покрова. За 12 дней, проведённых в гнезде, птенец покрывается перьями так называемого гнездового наряда, который в качественном и количественном отношении заметно отличается от дефинитивного. На многих птерилиях перьев меньше, чем у взрослой птицы, бородки перьев более рассучены, а опахала короче, чем у дефинитивного пера. Низ крыла и аптерии голые. И только перья, которые в дальнейшем служат зарянке целый год, растут похожими на перо взрослой птицы. К ним относятся маховые и рулевые перья, большие верхние кроющие первостепенных маховых (БВКПМ) и, частично, большие верхние кроющие второстепенных маховых (БВКВМ). Маховые перья, как правило, полностью вырастают к 18-22-му дню жизни, лишь на некоторых из них (2-е, 15-е, 16-е) перьевые чехлики сохраняются дольше. Рулевые растут ещё в течение 5-7 дней. В это же время происходит постепенное зарастание нижней части крыла (большие нижние кроющие маховых, средние нижние кроющие первостепенных маховых, нижние маргинальные и плечевые кроющие), которое продолжается и во время линьки. Некоторые из появляющихся участков оперения полностью отсутствуют в гнездовом наряде: боковой и пекторальный отделы, нижние маргинальные кроющие, нижние кроющие маховых, пуховидные перья на аптериях.

Перед началом линьки на каждой из птерилий дорастает оперение, непосредственно предшествуя смене перьев данного участка гнездового наряда. Весь процесс линьки условно разбит нами на пять стадий.

Первая стадия начинается с выпадения перьев и появления пеньков на грудном отделе брюшной птерилии, в районе расхождения последней на две ветви, и в центре спинной птерилии. Чуть позже вступают в линьку бедренная, плечевая, голенная птерилии и шейный отдел брюшной птерилии. На крыловой птерилии в это время дорастают и начинают линять верхние кроющие пропатагиальной складки и кисти. Покрываются пуховидными перьями аптерии.

Вторая стадия, как правило, характеризуется началом линьки головной птерилии, но у отдельных особей её могут опережать верхние и нижние кроющие хвоста, поствентральный отдел брюшной птерилии. Начинается линька малых верхних кроющих второстепенных маховых, кроющих крылышка.

Третья стадия. Линяют все птерилии тела, за исключением окологлазного отдела головной птерилии. На этой стадии сменяется наибольшее число перьев, и к концу её молодая птица внешне выглядит как взрослая. На крыле заменяются несколько внутренних БВКВМ, все средние верхние кроющие маховых, маховые крылышка. Заканчивается зарастание аптерий.

Отличительная особенность **четвертой стадии** – линька окологлазного отдела головной птерилии и отсутствие линьки на крыловой (лишь иногда заканчивается смена нижних кроющих третьестепенных маховых). На крупных птерилиях тела ещё присутствуют перья, находящиеся на начальных стадиях развития. В это время происходит смена вибрисс и линька рогового слоя эпидермиса кожи. У части особей (только из ранних выводков) отмечается линька бокового отдела.

На **пятой стадии** происходит окончательное формирование оперения на брюшной, спинной, бедренной, плечевой и головной птерилиях в разных комбинациях у разных особей.

С окончанием постювенальной линьки завершается формирование первого годового наряда зарянки. Из приведённого описания видно, что он имеет комплексное происхождение. Маховые и рулевые перья, БВКПМ, а также часть БВКВМ сохраняются от гнездового наряда. Большие нижние кроющие первостепенных и второстепенных маховых, часть средних нижних кроющих первостепенных маховых, маргинальные кроющие, нижние кроющие метапатагиальной складки, часть оперения на спинной, брюшной, голенной, крыловой птерилиях и все пуховидные перья на аптериях формируются в разное время после оставления гнезда и не сменяются во время линьки. Всё остальное оперение появляется в результате постювенальной линьки и замещает собой предшествующие перья гнездового наряда.

Сроки и объём постювенальной линьки в природе

Молодые линяющие зарянки начинают попадаться в большие стационарные ловушки во второй половине июля (самая ранняя дата 14 июля 1970, самая поздняя – 27 июля 1980). Наибольшее число птиц с начальными стадиями линьки отлавливается в конце июля – начале августа (табл. 1). На первую половину сентября приходятся самые поздние отловы зарянок на первой стадии линьки (13 сентября 1972, 12 сентября 1976). Птицы, завершившие линьку, попадаются с конца августа (самая ранняя дата 30 августа 1975) и встречаются до конца пролёта, хотя более характерно участие в конце пролёта особей на конечных (4-й, 5-й) стадиях линьки.

Анализ линьки молодых зарянок из ранних и поздних выводков выявил разницу в её сроках и объёме. Если рано родившиеся птицы начинают линьку в 45-50-дневном возрасте, то птицы, родившиеся

поздно, отлавливаются с начальными стадиями линьки уже на 28-30-й день жизни. Объём и продолжительность смены оперения также различаются. У птенцов ранних выводков, как правило, сменяются маховые перья крылышка, боковой отдел, 5-6 проксимальных БВКВМ. У поздно родившихся особей линяет лишь 2-3 БВКВМ. Продолжительность линьки у таких птиц составляет около 40 дней (35-37), что примерно па 20 дней короче, чем у рано родившихся зарянок (56-62 дней).

Таблица 1. Отловы молодых зарянок на разных стадиях линьки в 1969-1976 годах (в % от общего числа отловленных за каждую декаду)

Стадии линьки	Июль			Август			Сентябрь			Октябрь	
	1-10	11-20	21-31	1-10	11-20	21-31	1-10	11-20	21-30	1-10	11-20
Линька не началась	100	78.3	43.4	48.5	42.9	17.6	–	–	–	–	–
1-я стадия	–	20.0	47.0	30.3	20.6	14.7	3.5	1.6	–	–	–
2-я стадия	–	1.7	6.0	12.1	7.3	–	–	2.1	1.0	–	–
3-я стадия	–	–	3.6	9.0	11.8	1.5	–	1.0	2.0	1.1	–
4-я стадия	–	–	–	–	7.3	32.4	14.1	11.1	12.0	33.3	18.2
5-я стадия	–	–	–	–	–	27.9	36.5	35.3	46.0	44.4	63.6
Линька закончилась	–	–	–	–	–	5.9	45.9	48.9	39.0	21.1	18.2
Число особей	53	120	33	33	68	68	85	190	100	90	11

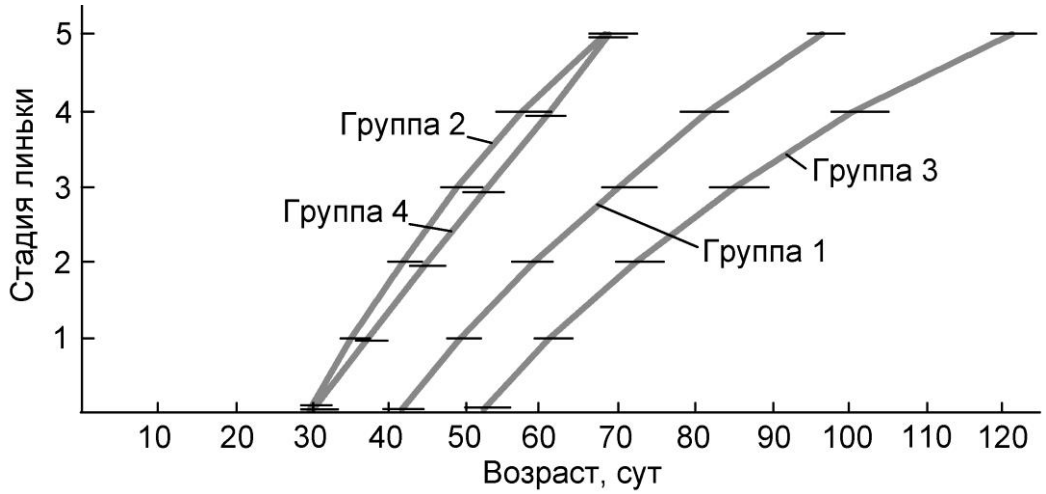
Результаты фотопериодических опытов

Для выяснения роли фотопериодических условий в регуляции постювенальной линьки использовались зарянки, родившиеся в разное время. Первую партию составили птицы из двух гнёзд, вылупившиеся 25 и 29 июня. Их поделили на две группы. Шесть птиц (группа № 1) содержались в уличной вольере, а семь особей (группа № 2) 11 июля были помещены в фотопериодические условия, имитирующие изменение длины светового дня в природе в конце августа – октябре 14^{40}C:9^{20}T → 8^{40}C:15^{20}T.

Вторая партия была представлена шестью зарянками из выводка, родившегося 26 июля. Половине из них (группа № 3) с 8 августа создали фотопериодические условия июня – сентября, т.е. продолжительность дня вначале плавно возрастала от 18 до 19 ч, а затем сокращалась до 13 ч. Оставшиеся три птицы составили контрольную группу № 4, находившуюся в уличной вольере.

У птиц группы № 1 дорастание оперения началось 5 августа, а линька происходила с 11 августа по 4 октября. Индивидуальная продолжительность её составила 54-56 дней (см. рисунок). У зарянок из группы № 2, помещённых в условия «осеннего» укорачивающегося дня, уже 24 июля стало дорастать оперение. Линька началась 30 июля, проходила быстрыми темпами и завершилась к 10 сентября. Таким образом, смена оперения длилась 39-40 дней. В отличие от контрольных птиц, у зарянок из группы № 2 не линяли маховые перья кры-

лышка и семь БВКВМ (в группе № 1 – лишь четыре БВКВМ). На остальных участках оперения количество сменившихся перьев не различалось. Сокращение продолжительности линьки было достигнуто прежде всего за счёт более синхронного вступления в линьку отдельных птерилий.



Сроки и темпы линьки зарянок при разных фотопериодических условиях. Объяснения в тексте.

Таблица 2. Результаты эксперимента по фотопериодической регуляции постювенальной линьки зарянки

Партия	Группа	Дата рождения	Начало линьки			Продолжительность линьки, сут	Конец линьки		
			Дата	Возраст, сут	Длина дня, ч=мин		Дата	Возраст, сут	Длина дня, ч=мин
I	№ 1 контроль	25.06 29.06	11.08±0.7	43±0.7	16=10	54±0.5	4.10±1.1	97±1.0	11=15
	№ 2 опыт	25.06 29.06	30.07±0.5	30±0.4	13=00	41±0.5	10.09±0.5	70±0.5	9=00
II	№ 3 опыт	26.07	18.09±0.5	52±0.5	18=30	70±0.7	28.11±0.8	122±0.8	12=00
	№ 4 контроль	26.07	27.08±1.1	31±1.1	14=40	39±1.2	5.10±1.4	70±1.4	11=05

Зарянки группы № 4 (контроль) начали линять с 25 августа. Линька заняла 40 дней, её объём соответствовал объёму линьки птиц опытной группы № 2. Птицы, помещённые в условия рано родившегося выводка (группа № 3), вступили в линьку лишь после того, как началось сокращение длины светового дня, в возрасте 50-55 сут (табл. 2). Линька протекала медленно, заняла 70 дней и окончилась к декабрю (26-30 ноября). Объём линьки был таким же, как в группе № 1.

Результаты проведённого эксперимента и анализ смены оперения зарянок в природе позволяют считать, что сроки и темпы постювенальной линьки этого вида в Ленинградской области регулируются длиной светового дня. Короткие фотопериоды стимулируют более раннее начало линьки, увеличение её темпов и, хотя и незначительно,

вызывают сокращение её объёма. Такой механизм позволяет особям из поздних выводков завершить линьку лишь несколько позже зарянок, родившихся в конце мая – июне.

Реакция зарянок на изменение длины светового дня не зависит от даты их рождения: у птиц из поздних выводков, помещённых на фотопериоды первой половины лета, характер линьки был таким же, как у рано родившихся особей. При этом линька началась лишь после того, как день стал укорачиваться. Можно предположить, что в природе именно укорочение светового дня после солнцестояния является сигналом к началу линьки зарянок.

Литература

Гагинская А.Р. 1973. Методические указания к сбору и обработке материала для главы «Линька» // *Материалы 5-го заседания Международ. рабочей группы по проблеме «Исследование продуктивности вида в пределах ареала»*. Вильнюс: 87-92.

Гагинская А.Р., Рымкевич Т.А. 1973. Методические указания к прижизненной обработке птицы // *Материалы 5-го заседания Международ. рабочей группы по проблеме «Исследование продуктивности вида в пределах ареала»*. Вильнюс: 155-167.

Носков Г.А., Болотников А.М. 1973. Методические указания к исследованию роста и развития птенцов воробьиных птиц // *Материалы 5-го заседания Международ. рабочей группы по проблеме «Исследование продуктивности вида в пределах ареала»*. Вильнюс: 82-86.

Носков Г.А., Гагинская А.Р. 1969. Ювенильная линька и миграции полевого воробья в условиях Ленинградской области // *Вопр. экол. и биоценол.* **9**: 48-58.

Носков Г.А., Гагинская А.Р. 1972. К методике описания состояния линьки у птиц // *Сообщ. Прибалт. комис. по изучению миграций птиц* **7**: 154-163.

Носков Г.А., Рымкевич Т.А. 1977. Методика изучения внутривидовой изменчивости линьки у птиц // *Методики исследования продуктивности и структуры видов птиц в пределах их ареалов*. Вильнюс, 1: 37-48.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1195**: 3494-3495*

Первая зимняя встреча клинтуха *Columba oenas* в Семипалатинском Прииртышье

Н.Н.Березовиков

*Второе издание. Первая публикация в 2003**

Между Семипалатинском и Чарском, в 20 км не доезжая станции Суыкбулак, среди заснеженной холмистой степи в долине реки Чар вдоль железнодорожного полотна держалась и кормилась стая из 25

* Березовиков Н.Н.. 2003. О зимней встрече клинтуха на востоке Казахстана // *Каз. орнитол. бюл.:* 174.

клинтухов *Columba oenas*. Ранее клинтухи в зимнее время в Семипалатинском Прииртышье не отмечались (Хахлов, Селевин 1928; Долгушин 1962; Панченко 1965, 1968).

Литература

Долгушин И.А. 1962. Голуби – Columbae // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **2**: 328-369.

Панченко С.Г. (1965) 2011. Новые данные по орнитофауне Семипалатинской области // *Рус. орнитол. журн.* **20** (714): 2511-2513/

Панченко С.Г. (1968) 2011. Новые данные по орнитофауне окрестностей Семипалатинска // *Рус. орнитол. журн.* **20** (715): 2545-2549.

Хахлов В.А., Селевин В.А. 1928. Список птиц окрестностей Семипалатинска // *Uragus* 2 (7): 19-34.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1195**: 3495-3497*

О биологии чирка-свистунка *Anas crecca* в Карелии

Э.В.Ивантер

*Второе издание. Первая публикация в 1972**

Гнездящиеся в Карелии свистунки *Anas crecca* характеризуются относительно крупными для вида размерами тела и относятся к номинативному подвиду. У них хорошо выражена сезонная динамика веса, связанная с изменением степени упитанности. Весной средний вес селезней 348, уток 339 г, в первой половине лета соответственно 328 и 305 г, ко времени линьки 339 и 262 г, в конце августа 347 и 297 г, осенью 362 и 332 г.

Численность сравнительно высока: на 10 км маршрутов по берегам водоёмов учтено в гнездовый период в среднем 7.3 свистунка (13.8% от общего числа водоплавающих). Это соответствует плотности 15-25 пар на 1000 га водных угодий. В южной Карелии численность свистунка выше, чем на севере (соответственно 11 и 3.9 птиц на 10 км).

Чирок-свистунок заселяет в гнездовый период разнообразные водоёмы, но предпочитает мелкие травянистые озёра (21 птица на 10 км маршрута, 59% встреч), а также заросшие приустьевые участки речек и особенно ручьёв (4 и 9 птиц на 10 км, 6 и 20% встреч). Довольно часто встречается также на озёрах смешанного тина (8.7 ос. на 10 км, 16% встреч) и на осоковых болотах (3.3 ос. на 10 км, 4%).

* Ивантер Э.В. 1972. О биологии чирка-свистунка в Карелии // *Тез. докл. 8-й Прибалт. орнитол. конф.* Таллин: 41-43.

Весенний прилёт и пролёт совпадает с началом вскрытия водоёмов. Средняя многолетняя дата прилёта чирков для заповедника «Кивач» – 27 апреля, крайние даты: 22 апреля (1961) – 5 мая (1968), для северо-восточного побережья Ладожского озера – 22 апреля, крайние даты: 18 апреля (1960) – 25 апреля (1961). Весной пролётные чирки летят небольшими (по 15-30 уток) стаями, преимущественно ночью и в первые 2 ч утренних наблюдений, в северном и северо-восточном направлении на высоте 50-150 м. В северной Карелии прилёт чирков падает обычно на середину мая.

К гнездованию свистунки приступают в южных районах республики в начале мая, на севере – в конце мая – начале июня. После 20 мая на юге и после 10 июня на севере кладки свистунков бывают обычно сильно насижены. Средняя величина полной кладки 8.8 (по 18 случаям, от 4 до 11 яиц.) Размеры яиц (n = 37): 41.4-46.5×30.2-34.4, в среднем 44.8×31.1 мм, вес 26.2-28.6, в среднем 26.9 г.

Первые выводки пуховичков в южных районах Карелии встречаются с начала июня, в северных – с середины этого месяца. Массовое появление выводков наблюдается во второй и третьей декадах июня на юге и в конце июня – первой половине июля на севере. Первые лётные молодые встречаются начиная с июля, но основная масса их поднимается на крыло только к середине августа, а на севере Карелии – к концу. Вместе с тем, во второй половине августа и даже в начале сентября в Карелии довольно часто встречаются и недоросшие выводки. В период с 20 августа по 10 сентября нелётный молодняк составлял (по встречам) в 1959 году около 10%, в 1960 – 7%, в 1961 – 32%, в 1962 – 6%, в 1966 – 22%, в 1967 – 10%.

Средняя величина выводка – пуховичков 6.6 (от 2 до 9), а утят хлопунцов 4.3. В первые 2 месяца гибнет около по 25% выведшихся утят.

Холостые самки и покинувшие уток селезни образуют стайки из 4-15 птиц, число которых возрастает к июлю. Отлёт самцов на линьку начинается в Карелии в конце июня – начале июля и заканчивается в конце июля. Но некоторая часть селезней остаётся в пределах Карелии на всё время линьки. Самки при выводках линяют поздно и интенсивная смена контурного оперения наблюдается у них только в августе.

Питание чирка-свистунка имеет смешанный характер, причём растительные корма в рационе несколько преобладают. Основной пищей служат семена осок, кувшинковых и др. (60% встреч в желудках), вегетативные части некоторых растений (33.3%), взрослые насекомые (жуки-плавунцы, хирономиды, стрекозы и др.; 33.3%) и их личинки (30%). В питании же утят-пуховичков преобладают животные корма (до 90% встреч).

Заражённость чирков-свистунков гельминтами невысока. Общая экстенсивность инвазии 25.4% при интенсивности 12-59 экз. Среди

этих паразитов преобладают сосальщики (25.4%) и нематоды (18.5%); цестоды и скребни отмечаются реже – только в 12.3 и 6.2% случаев, соответственно.

На осеннем пролёте чирки-свистунки наблюдаются в небольшом количестве (0.3-1.4% от общего числа учтённых в это время птиц), что объясняется преимущественно ночным лётом этих птиц. К первой декаде октября они обычно покидают места гнездования.

Численность чирков, если судить о ней по учётам в заповеднике «Кивач», изменяется по годам незначительно. На гнездовье здесь ежегодно 6-8 пар свистунков, а на осенних маршрутах (в августе-сентябре) регистрировали от 0.9 до 1.5 птиц на 10 км. В то же время данные опроса охотников свидетельствуют о значительном сокращении за последние 20-30 лет запасов чирков и другой гнездящейся в республике водоплавающей дичи.

Значение чирка-свистунка как объекта спортивной охоты достаточно велико. Только опрошенные анкетами члены Карельского республиканского общества охотников (1241 человек) отстреливают в год около 6 тыс. чирков (4.7 шт. на 1 охотника), что составляет 20% от общего количества добываемых ими водоплавающих птиц и около 10% от всей добычи пернатой дичи.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1195**: 3497-3498*

Первая находка гнездовой колонии грача *Corvus frugilegus* в предгорьях Каржантау (Западный Тянь-Шань)

Е.С.Чаликова

*Второе издание. Первая публикация в 2003**

Прежде считалось, что грач *Corvus frugilegus* в предгорьях Таласского Алатау и Каржантау не гнездится, а весной его пролёт обычно заканчивается к началу мая (Гаврин 1974). Нами небольшая колония грачей найдена 12 мая 2003 в центре села Шарапхана на юг к хребту Каржантау от автомобильной трассы Чимкент – Ташкент. Гнёзда располагались на иве, карагаче (по 6) и турецком орехе (5), в двух из них находились взрослые птицы. Кроме того, летом грач отмечен и в других местах: 9 мая – на полях у сёла Жалыкчи и Абай (7 и 2 особи), 18

* Чаликова Е.С. 2003. О находке гнездовой колонии грача в Каржантау // *Каз. орнитол. бюл.:* 183.

мая – у трассы между сёлами Белые воды и Карамурт (2), 29 мая – у села Ирсу (1) и 7 июля у села Корниловка (100 особей).

Литература

Гаврин В.Ф. 1974. Семейство Вороновые – Corvidae // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **5**: 41-121.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1195**: 3498-3504*

Динамика численности гнёзд грача *Corvus frugilegus* на территории государственного музея-заповедника С.А.Есенина и в его окрестностях

Е.А.Марочкина, Н.В.Чельцов,
В.В.Сбытова, К.И.Соцкова

Елена Анатольевна Марочкина, *Николай Васильевич Чельцов*, *Валентина Викторовна Сбытова*, *Ксения Ивановна Соцкова*. Рязанский государственный университет имени С.А.Есенина, ул. Свободы, д. 46, Рязань, Рязанская область, 390000, Россия. E-mail: e.marochkina@rsu.edu.ru

Поступила в редакцию 8 октября 2015

Грач *Corvus frugilegus* широко распространён в центральных областях России. В последние десятилетия здесь существенно меняется характер землепользования. Во многих районах сокращается или полностью прекращается хозяйственная деятельность, быстро уменьшается население в посёлках и деревнях. Заброшенные поля быстро зарастают бурьяном и кустарниками. На сокращение сельскохозяйственных угодий грачи реагируют уменьшением численности на значительной территории и высокой концентрацией на отдельных участках, в местах интенсивной хозяйственной деятельности и относительного обилия кормов антропогенного происхождения.

По данным сотрудников Окского заповедника, проводивших исследования численности грачиных гнёзд на территории Рязанской области, в последнее десятилетие отмечено уменьшение численности гнездового населения грача на 30%. Возможными причинами этого может быть как значительное уменьшение численности сельского населения и упадок перерабатывающей промышленности в сельской местности, так и внутриареальные перемещения птиц (Иванчев и др. 2012).

Анализ материалов по многолетней динамике численности и рассмотрение связей грачей с различными антропогенными ландшафтами позволяют прогнозировать дальнейшее изменение численности этих

птиц. Большой ущерб, приносимый врановыми, в том числе грачами народному хозяйству, требует специальных мер по регулированию их численности (Константинов, Ильичёв 1989).

Цель данного исследования – выявить динамику численности грачиных гнёзд на территории музея-заповедника С.А.Есенина и в его окрестностях.

Изучение численности грачиных гнёзд проводилось в сёлах Константиново и Кузьминское Рыбновского района Рязанской области в 1981, 1998-2000 и 2012-2014 годах. Константиново, где находится государственный музей-заповедник С.А.Есенина (ГМЗ), слито с Кузьминским. Эти населённые пункты протянулись по высокому правому берегу реки Оки примерно на 4 км.

Гнёзда подсчитывали в конце апреля – начале мая, когда грачи насиживают кладки, а листья на деревьях ещё не распустились. В это время легко определить число жилых гнёзд. Деревья, на которых располагались гнёзда грачей, наносили на план, отмечая вид дерева, его высоту и количество гнёзд на нём.

В 1981 году было обнаружено 8 грачиных колоний, расположенных в парковых насаждениях или на отдельно стоящих группах деревьев (табл. 1). Расстояние между крайними колониями составило немногим более 2 км. В радиусе 5 км от Кузьминского других грачиных колоний не обнаружено (Чельцов 1991).

Таблица 1. Количество грачиных гнёзд в разных колониях с 1981 по 2014 год

№ п/п	Грачиные колонии	1981	1998	1999	2000	2012	2013	2014
1	Перед Константиновым	67	0	–	–	0	0	0
2	В начале Константинова	27	0	–	–	0	0	0
3	В парке у ГМЗ	393	309	277	345	325	508	393
4	В парке у дома С.А.Есенина	0	152	149	137	10	0	0
5	Около больницы	650	233	–	–	81	79	49
6	На сухих яблонях	62	0	–	–	0	0	0
7	У фермы	193	25	–	–	0	0	0
8	У плотины	50	78	–	–	5	0	0
9	У прудика	33	0	–	–	0	0	0
10	Около детсада	0	86	–	–	0	0	0
11	У аптеки	0	17	–	–	9	9	9
12	У сельсовета	0	7	–	–	6	6	6
	Всего:	1549	907	426	482	436	602	457

Примечание: Знак «–» означает, что в эти годы учёт в данных колониях не проводился.

Самая крупная колония (650 гнёзд) находилась в больничном парке села Кузьминское. Среди древесных пород парка преобладали старые вязы. На восток от этой колонии на расстоянии около 300 м у фермы находилась колония из 193 гнёзд, расположенных на старых липах (см. табл. 1). Между этими колониями располагалась, на наш взгляд,

уникальная грачиная колония. Необычность её заключалась в том, что 62 гнезда были построены на 12 молодых яблонях и грушах, засохших после сильнейших морозов зимой 1978/79 года. Гнёзда грачей располагались на высоте всего 3-4 м.

В Константиново крупная колония грачей располагалась в парке около административного здания музея (393 гнезда), а две небольших колонии – на старых деревьях в восточной части села (см. табл. 1). В парке музея гнёзда располагались главным образом на старых деревьях. Вдоль забора, отделяющего парк от площади, росли молодые деревца высотой до 5-6 м. На них грачи также начали строить гнёзда.

В 1998 году численность гнёзд здесь сократилась почти в 1.5 раза. Наиболее существенно число гнёзд сократилось в парке Кузьминской больницы. Здесь из-за графиоза («голландской болезни») погибло много вязов, в том числе и те, на которых располагались гнёзда грачей. Число гнёзд уменьшилось почти в 3 раза (см. табл. 1). В колонии «У фермы» из 12 деревьев с гнёздами уцелело лишь одно (с 25 гнёздами). Прекратила своё существование колония «На сухих яблонях». Появились три новые небольшие колонии. Общее число гнёзд в Кузьминском сократилось с 1062 до 446 (Чельцов 1991; Чельцов и др. 2001).

В Константиново общая численность грачиных гнёзд снизилась незначительно: с 487 до 461. Однако произошло их перераспределение. В парке у административного здания число гнёзд уменьшилось с 393 до 309. Исчезли две небольших колонии в восточной части села (хотя деревья, на которых находились гнёзда, продолжали расти). В то же время возникла новая колония из 152 гнёзд в парке около дома родителей С.А.Есенина. Здесь за эти годы подросли деревья, и на них грачи начали строить гнёзда.

В 1999-2000 годах учёты гнёзд проводились по просьбе администрации музея-заповедника и охватывали только территорию музейного комплекса. Остальные колонии, видимые из рейсового автобуса, оценивались визуально. При этом отмечалось состояние деревьев и приблизительное количество гнёзд. Полученные таким способом данные в таблицу 1 не вносились.

В 1999 году численность гнёзд в парке около административного здания музея сократилось с 309 до 277, а в парке около дома родителей Есенина осталась практически на прежнем уровне. На следующий год в первой колонии число гнёзд возросло до 345, а во второй – сократилось на 12 гнёзд.

С 2012 года учёты проводились нами ежегодно в Константиново и Кузьминском. В 2012 году число гнёзд в колонии в парке около административного здания музея, изменилось незначительно (по сравнению с 2000 годом уменьшилось на 20 гнёзд), а колония около дома родителей Есенина почти исчезла. Причины её исчезновения неясны.

Деревья стали старше и удобнее для постройки гнёзд, беспокойство здесь гораздо меньше, чем в парке около административного здания. Все 10 гнёзд располагались в начале парка в самом оживлённом месте, а на остальных деревьях этого парка, мимо которого посетители проходят по восточному краю, гнёзд не стало. Возможно, в этом парке деревья, главным образом берёзы, выросли, и их кроны стали слишком густыми, неудобными для устройства грачиных гнёзд.

В Кузьминском в 2012 году мы обнаружили всего около 100 гнёзд. В колонии в больничном парке насчитали только 81 гнездо. От парка осталось только несколько отдельно стоящих деревьев. Старые вязы исчезли полностью. Грачи стали строить гнёзда на деревьях, выросших на пустыре с южной стороны больницы. В центральной части села у здания администрации и у аптеки на невысоких американских клёнах находилось в общей сложности 15 гнёзд.

В 2013 году в Константиново функционировала только одна грачиная колония в парке около административного здания. Число гнёзд в ней увеличилось до 488. В Кузьминском число и расположение гнёзд не изменились.

В 2014 году численность грачиных гнёзд в Константиновской колонии сократилась до 393. На деревьях около Кузьминской больницы гнёзд стало ещё меньше, а в двух других колониях их число не изменилось. Но эти гнёзда оказались построенными не на американских клёнах, как прежде, а на стоящих рядом берёзах.

Некоторые деревья, на которых построено множество гнёзд, засыхают. Обычно грачи продолжают на них гнездиться до тех пор, пока деревья не падают из-за ветхости. Так, в колонии «У фермы» на одном сухом дереве было 15, а на другом – 37 гнёзд. В этом отношении особо отличается колония «На сухих яблонях», где в 1981 году 62 жилых гнезда находились на 12 засохших молодых яблонях и грушах. Здесь рос молодой сад (более 40 плодовых деревьев). После морозов зимой 1978/79 года деревья засохли. По словам местных жителей, на живых деревьях в саду грачиных гнёзд не было. Значит, птицы начали строить гнёзда на засохших яблоньках и грушах. За несколько лет деревья стали ветхими, и с 1984 года грачи перестали здесь гнездиться.

В Кузьминском при исчезновении деревьев, на которых находились гнёзда (упали от ветхости, спилены), грачи покидали это место, а не строили гнёзд поблизости на других деревьях.

Иная картина наблюдалась в Константинове на территории ГМЗ. При выпиливании старых деревьев в парке около административного здания музея или спиливания деревьев с большим количеством гнёзд грачи начинали строить гнёзда рядом на новых деревьях или на тех, где гнёзда уже были построены. Численность гнёзд колебалась по годам в небольших пределах.

В последующие годы в процессе реконструкции парка старые деревья были спилены и грачи загнездились на молодых деревцах (15-20-летних), образовав две колонии. Большая колония осталась на прежнем месте, и значительная часть её гнёзд располагалась на старых деревьях, а меньшая возникла в парке около дома родителей Есенина в 500 м от первой на молодых берёзках. Общее число гнёзд уменьшилось, а количество деревьев, на которых они были построены, возросло в 5.1 раза. Среднее количество гнёзд на одном дереве снизилось с 14.0 до 2.7 (табл. 2). Зимой 1998/99 года в парке ГМЗ продолжали выпиливать старые и ненужные деревья, прежде всего американские клёны. Среди спиленных были и деревья с гнёздами. В 1999 году гнёзд оказалось на 35 меньше, чем в предыдущем году. На некоторых деревьях количество гнёзд увеличилось, но на многих новых деревьях появилось по 1-2 гнезда. Из-за этого показатель среднего числа гнёзд на дереве остался прежним (табл. 2).

Таблица 2. Количество гнёзд и количество деревьев с гнёздами в колониях грачей в селе Константиново в разные годы

Показатели	1981	1998	1999	2000	2012	2013	2014
Количество гнёзд	487	461	426	482	335	488	393
Количество деревьев с гнёздами	33	169	156	151	116	156	128
Среднее количество гнёзд на 1 дереве	14.0	2.7	2.7	3.2	2.9	3.1	3.1

В 1999 году на территории музейного комплекса была предпринята попытка снижения численности грачей, поскольку они своим шумом и экскрементами мешают проведению экскурсий. Для этого было решено разорять их гнёзда. В конце апреля разорили 50 гнёзд на деревьях аллеи, по которой проходит маршрут экскурсии. В гнёздах были полные кладки на ранних стадиях насиживания. Во всех гнёздах в качестве строительного материала грачи использовали алюминиевую и стальную проволоку диаметром 2-6 мм. Некоторые гнёзда почти на треть состояли из проволоки. Грачи встраивали её в гнездо, иногда оплетая ветви. В некоторых местах проволока уже «вросла» в ветви, и скинуть такое гнездо можно было только перекусив проволоку. Вероятно, проволоку грачи собирали у кладбища, где сжигались старые венки. Через несколько дней после разорения грачи построили гнёзда заново, из них 16 были построены на прежних местах.

Весной 2000 года на территории ГМЗ снова были выпилены некоторые деревья, в том числе и с грачиными гнёздами. Грачи построили несколько гнёзд на новых деревьях, но основной прирост численности произошёл в результате постройки гнёзд на прежних деревьях, что вызвало увеличение показателя числа гнёзд на 1 дереве (табл. 2).

С 2010 года интенсивных выпиливаний деревьев на территории

ГМЗ не проводилось, и колебания численности гнёзд в 2012-2014 годах были вызваны другими причинами. При повышении численности гнёзд в 2013 году появились новые деревья с 1-2 гнёздами, но значительная часть новых гнёзд была построена на деревьях, уже несущих гнёзда. В следующем году исчезли гнёзда на большинстве «новых» в прошлом году деревьях, а также были растащены грачами некоторые гнёзда на деревьях с большим количеством гнёзд. Вероятно, эти гнёзда также были построены в прошлом году. При этом гнёзда, функционирующие много лет, увеличивались в размерах и сливались с соседними, так что подсчитывать их стало ещё труднее.

Вопрос, почему одни пары грачей строят гнёзда на деревьях, на которых уже находятся несколько гнёзд, а другие выбирают новое дерево, нам остался непонятен.

К неоднозначным выводам приводит анализ распределения гнёзд на деревьях разного возраста. В 1981 году подавляющее большинство грачиных гнёзд было построено на старых деревьях. Число гнёзд на одном дереве достигало 39. Из 1549 гнёзд лишь 95 были построены на молодых деревьях. 33 гнезда были расположены на 7 молодых невысоких берёзках в парке музея Есенина и 62 – на 12 деревцах в колонии «На сухих яблонях». Все остальные располагались на старых деревьях.

Деревьев с гнёздами насчитывалось немного, но количество гнёзд на них было велико. Так, на территории ГМЗ в 1981 году при обилии молодых деревьев, главным образом берёз, 91.6% гнёзд располагалось на 21 старом дереве (причём большая их часть находилась всего на 8 деревьях). Остальные 33 гнезда были построены на высоте 4-5 м на 7 молодых берёзках вдоль асфальтированной дорожки к церкви.

Неясным остаётся и вопрос о предпочтении грачами тех или иных видов деревьев для гнездостроения. На территории ГМЗ в обоих парках преобладают берёзы. Именно на них построено большинство гнёзд. Однако довольно много гнёзд построено и на других деревьях, растущих среди берёз: липах, клёнах и др. В других колониях при наличии деревьев разных пород грачи отдавали предпочтение какой-то одной. В больничном парке села Кузьминское – старым вязам, «У фермы» – старым липам, в колонии «На сухих яблонях» – молодым засохшим яблоням и грушам. А в двух колониях в восточной части села Константиново все гнёзда грачей были построены на старых вётлах. В каждом случае рядом росли и деревья других пород и возрастов.

Таким образом, за 33-летний период наблюдений количество грачиных гнёзд на обследованной территории сократилось почти в 3.4 раза. Только две колонии функционировали на всём протяжении этого периода. При этом если численность гнёзд на территории музея Есенина изменялось мало, то колония в больничном парке постоянно сокращала свою численность. Сначала это сокращение, вероятно, было

вызвано гибелью старых вязов, из которых состоял парк. Но в 2012 году парка практически не стало, и грачи строили гнёзда на деревьях, выросших неподалёку (с южной стороны больничной территории). Эти деревья становились всё старше, а значит и более удобными для постройки гнёзд, но гнёзд становилось всё меньше и меньше. Уменьшение числа гнёзд в этой колонии, исчезновение колоний «У фермы» и «На сухих яблонях» не компенсировалось увеличением числа гнёзд в других колониях, расположенных поблизости или возникновением новых колоний.

Не оказывало существенного влияния на численность гнёзд грачей и выпиливание старых деревьев, на которых было расположено множество гнёзд. Грачи осваивали новые деревья, растущие поблизости, или переходили в другие части парка.

Литература

Иванчев В.П., Котюков Ю.В., Николаев Н.Н. 2012. Современное состояние популяций некоторых видов врановых птиц и оценка тенденций динамики их численности в Рязанской области // *Тр. Окского заповедника* **27**: 51-62.

Константинов В.М., Ильичёв В.Д. 1989. Изученность врановых и основные направления дальнейших исследований // *Врановые птицы в естественных и антропогенных ландшафтах*. Липецк, 1: 3-11.

Чельцов Н.В. 1991. Численность грачей в Рыбновском районе Рязанской области // *Природные и хозяйственные ресурсы Рязанской области, оценка их перспектив: Тез. Рязан. обл. науч.-практ. конф*. Рязань: 141-143.

Чельцов Н.В., Марочкина Е.А., Иванов Р.В., Панин А.А. 2001. Динамика численности грачиных гнёзд на территории Государственного музея-заповедника С.А.Есенина // *Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии*. Казань: 637-638.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1195**: 3504-3507*

Пёстрый дрозд *Zoothera varia* гнездится в окрестностях посёлка Хасан Приморского края

Н.Н.Балацкий

Николай Николаевич Балацкий. Новосибирский государственный краеведческий музей, Вокзальная магистраль, д. 11, Новосибирск, 630004. Россия. E-mail: nnbal@ngs.ru

Поступила в редакцию 6 октября 2015

На юге Хасанского района Приморского края в 3 км севернее посёлка Хасан 10 июня 2015 встречен слёток пёстрого дрозда *Zoothera varia* (Pallas, 1811) (рис. 1).

Рис. 1. Слёток пёстрого дрозда *Zoothera varia*.
Южное Приморье, окрестности посёлка Хасан. 10 июня 2015. Фото автора.

Во время наблюдения за птицами на северном склоне разветвлённой холмистой возвышенности мной был замечен на земле взрослый пёстрый дрозд с кормом в клюве. Позже выяснилось, что дрозд, разгребая лесную подстилку, собирал корм для птенцов-слётков. Заметив человека, он молча улетел, совершенно не проявляя беспокойства за потомство. Недалеко от этого места был обнаружен слёток, затаившийся в редкой невысокой траве. На фоне солнечных бликов, скользящих по негустой траве, и при полной неподвижности он сливался с окружающей средой. Но слётка демаскировало скопление его же помёта из трёх крупных фекалий. Другие слётки рядом не найдены, но выше по склону замечено ещё одно место с фекалиями либо этого же, либо другого слётка. Слёток имел типичную для данного вида окраску оперения и следы пуха на голове и спине. Он позволил себя не только сфотографировать, но и потрогать. Затем резко встал на ноги, отбежал на пару метров в сторону и снова затаился на земле в невысокой траве.

Само гнездо пёстрого дрозда мною было обнаружено на расстоянии 60 м от слётка. Характерное для этого вида гнездо располагалось на высоте 4.5 м от земли в развилке ствола даурской берёзы *Betula davurica* (рис. 2). Координаты места находки: 42°27'40.4" с.ш., 130°37'21.8" в.д.

Гнездо не проверялось, чтобы не привлечь к нему внимания соек *Garrulus glandarius*, гнездящихся на этом же лесном участке. Из посёлка Хасан сюда также залетает группами уссурийская сорока *Pica sericea* для поиска и разорения гнёзд фонового вида – сибирского жулана *Lanius cristatus*.

Рис. 2. Местообитание и расположение гнезда пёстрого дрозда *Zoothera varia*. Южное Приморье, окрестности посёлка Хасан. 14 июня 2015. Фото автора.

Данная находка гнезда и слётка интересна тем, что ранее в лесостепном ландшафте юга Приморья гнездование пёстрого дрозда никем из исследователей не отмечалось. Окружающий гнездо сравнительно обширный и тенистый, с густой сомкнутостью крон, лесной участок образован преимущественно дубом монгольским *Quercus mongolica* (высота деревьев до 15 м) с примесью липы амурской *Tilia amurensis*, осины *Populus tremula* и берёзы даурской. Редкий подлесок состоял из леспедецы *Lespedeza bicolor* и лещины *Corylus avellana*. В верхней части холмистой возвышенности и на её южных склонах монгольский дуб сменяется криволесьем из невысокого зубчатого дуба *Quercus dentata*. Аналогичные лесные островки северных склонов холмов на юге Хасанского района в известной мере способствуют остановке многих таёжных видов птиц. И некоторые из этих птиц гнездятся, оставаясь для исследователей незамеченными.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск **1195**: 3507-3509*

Встреча больших белых цапель *Casmerodius albus* в плавнях Кронштадтской колонии осенью 2015 года

С.А.Коузов

Сергей Александрович Коузов. Биологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.
E-mail: skouzov@mail.ru

Поступила в редакцию 25 сентября 2015

В нынешнем столетии встречи большой белой цапли *Casmerodius albus* стали достаточно частым явлением в Ленинградской области (Барабанова и др. 2015; Богуславский 2010; Головань 2011; Домбровский 2015; Ковалев 2001, 2013; Коузов 2015а,б,в; Головань и др. 2015; Поляков 2015). Количество зарегистрированных встреч в последние пять лет увеличилось настолько, что на западе Ленинградской области этот вид из залётного превратился теперь в немногочисленного, но регулярного мигранта и представителя летней орнитофауны (Коузов 2015а,в). Особенно показательным в этом отношении стал 2015 год, когда начиная с весны большую белую цаплю наблюдали во многих районах Ленинградской области, в том числе и впервые на севере Карельского перешейка (Барабанова и др. 2015; Коузов 2015б). На южном бе-

регу Финского залива самым восточным местом встреч летом этого года было побережье у Лебяжьего и Большой Ижоры, где в июле-августе держалось до 5 птиц (Головань и др. 2015). Тем не менее, совсем рядом – в плавнях Кронштадтской Колонии, расположенных в нескольких километрах восточнее Большой Ижоры, ни летом 2015 года, ни в предыдущие три года этот вид ни разу не был нами отмечен, несмотря на регулярные специальные наблюдения. Это выглядело достаточно странным, поскольку плавни в Кронштадтской Колонии – наиболее мощные в восточной части Финского залива – привлекают большое количество водяных птиц, в том числе и серых цапель *Ardea cinerea*, имеющих весьма сходные с большой белой цаплей кормовую базу и охотничьи стереотипы (Грищенко 2011).

24 сентября 2015 во время учётов миграционных стоянок на байдарке в плавнях Кронштадтской колонии нами встречены 8 больших белых цапель. Первая охотящаяся птица была выпугнута в 50 м к западу от длинной косы, отделяющей западную часть угодья от его центральных частей. При дальнейшем продвижении на запад среди многочисленных окон открытой воды в зарослях рогоза, камыша и тростника, расположенных в 400-500 м от западной границы плавней, обнаружена рассеянная группа кормящихся цапель, состоявшая из 9 серых и 7 больших белых цапель. Поднявшиеся в воздух птицы после кругового облёта акватории плавней отлетели на ночёвку на деревья в восточной части угодья.

На данный момент это наблюдение является самым восточным на южном побережье Финского залива и единовременно наиболее поздней осенней встречей вида в Ленинградской области из описанных в литературе. Столь же поздно (с 15 по 20 сентября 2012) пара больших белых цапель наблюдалась на торфяных картах у деревни Замошье в Плюсском районе Псковской области (Горчаков 2014).

Обращает внимание находка больших белых цапель именно в западной части угодья, поскольку здесь, по нашим многолетним наблюдениям, образуются наиболее крупные скопления отдыхающих мигрантов и линяющих водяных птиц. Весной 2015 года наблюдался заметный спад численности миграционных скоплений, однако осенью картина была сходной с предыдущими годами. Так, 24 сентября 2015 здесь держалось до 500 хохлатых чернетей *Aythya fuligula*, 30-40 лысух *Fulica atra* и до 150 речных уток, среди которых наиболее многочисленны были кряква *Anas platyrhynchos*, чирок-свистунок *A. crecca*, серая утка *A. strepera* и свиязь *A. penelope*. Всё это свидетельствует о ключевой роли данного участка в системе миграционных стоянок птиц в Невской губе и необходимости его сохранения в составе регионального заказника «Южное побережье Финского залива с литториновым уступом» (Иовченко 2009; Носков и др. 2014).

Литература

Барабанова Е.Н., Шатенёв К.Г., Машкова Е.В. 2015. Встреча большой белой цапли *Casmerodius albus* на Раковых озёрах на Карельском перешейке // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1152): 2018-2021.

Богуславский А.В. 2010. Встреча большой белой цапли *Casmerodius albus* на южном берегу Финского залива // *Рус. орнитол. журн.* **19** (542): 31.

Головань В.И. 2011. Встреча большой белой цапли *Casmerodius albus* на южном берегу Лужской губы // *Рус. орнитол. журн.* **20** (663): 1143-1144.

Головань В.И., Резвый С.П., Савинич И.Б. 2015. О встречах больших белых цапель *Casmerodius albus* на востоке Финского залива в 2013-2015 годах // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1190): 3339.

Горчаков С.В. 2014. Встреча пары больших белых цапель *Casmerodius albus* в Плюсском районе Псковской области // *Рус. орнитол. журн.* **23** (1088): 4151-4152.

Грищенко В.Н. 2011. Большая белая цапля *Casmerodius albus* (Linnaeus 1758) // *Птицы России и сопредельных регионов: Пеликанообразные, Аистообразные, Фламингообразные*. М.: 304-329.

Домбровский К.Ю. 2015. Наблюдение большой белой цапли *Casmerodius albus* в деревне Струпово (низовья реки Луги) // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1153): 2059-2060.

Иовченко Н.П. 2009. Редкие виды птиц планируемой к организации ООПТ «Южное побережье Невской губы с литориновым уступом»: современное состояние, проблемы и перспективы охраны // *Рус. орнитол. журн.* **18** (530): 2123-2127.

Ковалев В.А. 2001. Орнитологические находки в Лодейнопольском районе Ленинградской области в 1998-2000 годах // *Рус. орнитол. журн.* **10** (137): 248-251.

Ковалев В.А. 2013. Новый залёт большой белой цапли *Casmerodius albus* на восток Ленинградской области // *Рус. орнитол. журн.* **22** (946): 3291.

Коузов С.А. 2015а. О характере пребывания большой белой цапли (*Casmerodius albus* L.) на Кургальском полуострове и сопредельных участках восточной части Финского залива в последнем десятилетии // *Вестн. С.-Петерб. ун-та* (Сер. 3) 1: 41-50.

Коузов С.А. 2015б. О встречах большой белой цапли *Casmerodius albus* в долине реки Гороховки (Карельский перешеек) в июле 2015 года // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1189): 3299-3300.

Коузов С.А. 2015в. О существенном увеличении числа встреч летующих больших белых цапель *Casmerodius albus* на западном побережье Кургальского полуострова в 2014 и 2015 годах // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1191): 3353-3358.

Носков Г.А., Рымкевич Т.А., Коузов С.А. 2014. Весенние стоянки водоплавающих и околоводных птиц в Невской губе // *Вестн. охотовед.* **11**, 2: 210-215.

Поляков В.М. 2015. Встреча двух больших белых цапель *Casmerodius albus* в верховьях Оредежа // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1145): 1799.